

Наехал на черную башню Роланд.

*Шекспир. «Король Лир»,
акт III, сцена 4*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«А В ЧЕТВЕРТ РОДИЛСЯ КТО...»¹

— Ну хорошо, — сказал Николас. — Тебе надо-
ело. И мне тоже. Но здесь нам все-таки лучше, чем
дома.

— Там было теплее, — возразил Дэвид.

— Это тебе так кажется. Помнишь, как мы в про-
шлый раз переезжали? Пол в газетах, сидели на ящи-
ках. Нет уж, спасибо!

— У нас не осталось ни пенса, — сказал Дэвид. —
Даже на чашку чая не наскрести. Что теперь будем
делать?

¹ Строка из старинной песенки. По преданию, тот, кто родился
в четверг, будет странником, первооткрывателем и воином (*здесь
и далее примечания переводчика*).

— Не знаю. Придумай что-нибудь.

Они сидели на скамейке за памятником Уатту². Скульптор изобразил его человеком строгим, однако голуби сделали свое дело, и теперь его лицо выражало лишь отвращение к Манчестеру.

— Можно еще покататься на лифте в магазине Льюиса, — предложила Хелен.

— С меня хватит, — возразил Николас. — А потом, они нас все равно заметили: выставят, и все тут.

— А на эскалаторе?

— Охота была, в такой толпе...

— Ну, тогда пошли домой, — сказал Дэвид.

— Слушай, Роланд, ты кончишь крутить эту схему?

Роланд стоял поодаль и крутил ручки уличной схемы города. Это был высокий аппарат с освещенными и расчерченными на квадраты панелями, колесиками и прочим.

— Вот это да! — сказал он. — Идите сюда, поглядите. Видите это колесико? Это указатель улиц, у каждой своя буква и цифра. Любую улицу в Манчестере можно найти. Проще простого! Смотрите...

Роланд крутанул колесико, и указатель под стеклом завертелся с такой скоростью, что буквы слились в одно пятно.

— Здорово отлажено! — заметил Николас.

В пятне появились пробелы — указатель понемногу замедлял бег.

Роланд прижал палец к стеклу.

— Где остановится, туда и пойдём, — сказал он.

² Уатт Джеймс (1736–1819) — английский изобретатель, создатель универсального теплового двигателя.

Указатель крутился все медленнее — замелькали названия улиц, и он остановился.

— Четверговый переулок, — прочитала Хелен. — Ну-ка, отодвинь палец. Десять-семь «Л».

— Десять — это, должно быть, почтовый индекс, — предположил Роланд. — Теперь надо повернуть колесико так, чтобы семерка попала в красный квадрат на стекле, — и тогда Четверговый переулок окажется в клетке «Л». Вот так.

— Я его там не вижу, — возразил Николас.

Квадрат на схеме был испещрен переулками, среди которых попадались такие коротенькие, что их названия не уместились бы на карте даже в сокращенном виде. Поискав, дети нашли все же в ряду других сокращений пометку «Чет. п.».

— Да уж, короче некуда, — заметил Дэвид.

— Смешное название, — сказал Роланд. — Четверговый переулок. Пойдем посмотрим, какой он?

— Что?

— Это недалеко. Гляди, мы вот тут стоим, на Пиккадилли, а Четверговый переулок отсюда направо, за улицей Олдхэм. Найти нетрудно.

— Вечно ты какую-нибудь глупость придумаешь, — отозвался Николас.

— Нет, давайте правда пойдем посмотрим, — возразила Хелен. — Прошу тебя, Ник. Если мы не пойдем, вы с Дэвидом тут же начнете цапаться. Найдем этот переулок — и тут же домой. Так никому не будет обидно.

— Ладно, — согласился Дэвид. — Я не возражаю.

— Все равно глупо, — сказал Николас.

— А ты что предлагаешь?

— Ну ладно, ладно... Это ты придумал, Роланд, ты и веди. А как туда пройти, ты знаешь?

— Мне кажется, да. Сначала по улице Олдхэм, а потом прямо туда задами.

И они отправились. Дэвид и Николас тут же повеселели — у них появилась какая-то цель.

— Вот наш поворот, — сказал Роланд немного спустя. — А теперь нырнем в этот проход.

— Н-да, — протянул Николас. — Что-то мне здесь не очень нравится.

Дети раньше никогда не бывали на задах магазинов; здесь все было совсем не так, как с фасада.

— Фу! — сказала Хелен. — Такие роскошные витрины и ковры, а сзади просто помойка!

Они шли по проходу между складами и площадками для разгрузки товаров, освещенными холодным электрическим светом, жестяная закраина у прохода была невысокой; пахло гнилыми фруктами и досками. Через вентиляционные отверстия, затянутые паутиной грязи, в лицо им дышал теплый затхлый воздух.

Выйдя из прохода, они зашагали тесными грязными переулками, где в дверях домов стояли старухи, подвязанные вместо фартуков мешковиной, а на ступеньках сидели мужчины в шлепанцах. В канаве рылись в мятых бумажках собаки, а на булыжной мостовой лежало ржавое колесо от велосипеда. Какое-то парни на углу болтали с девушкой в ярких бигуди из пластмассы.

— Ник, мне здесь не нравится, — сказала Хелен. — Может, вернемся?

— Нет, нельзя, а то подумают, что мы испугались. Сделаем вид, будто знаем дорогу, просто решили пройти напрямиком — и все тут.

Они чувствовали на себе взгляды, в которых не было ни интереса, ни враждебности, и все же детям было не по себе, и они старались держаться поближе друг к другу. Девушка на углу засмеялась, впрочем, возможно, она смеялась не над ними, а над тем, что сказал ей один из парней.

Они продолжали свой путь.

— Может, зря я это затеял, — сказал Роланд. — Хотите, вернемся домой?

— Ты что, заблудился? — спросил Николас.

— Нет, но...

— Что это? — воскликнул Дэвид.

На уходящих вдаль улицах стояли пустые, разрушенные дома.

— Странно, — произнес Николас. — А ну-ка, вперед! Похоже, Роланд не зря нас сюда привел.

— Вернемся, — сказал Роланд.

— С чего это? Только-только что-то интересное начинается. Разве мы не туда идем?

— Да вроде туда... Так мне кажется.

— Тогда пошли.

Дома стояли пустые — не один и не два дома, а ряд за рядом, улица за улицей. Меж булыжниками и в трещинах асфальта пробивалась трава. Двери в домах покосились. Окна были забиты досками, кое-где торчали осколки стекол. В некоторых окнах виднелись занавески, и они дрожали, когда дети шли мимо, но видно никого не было.

— Жутковато что-то, — произнес Дэвид. — Почему-то хочется говорить шепотом. А что, если нигде никого нет — и на Пиккадилли тоже?

Хелен заглянула в окно какого-то дома.

— Там полная комната помойных ведер! — удивилась она.

— А что на двери мелом написано?

— «Почту оставлять в доме номер четыре».

— Дом номер четыре тоже пуст.

— Не хотела бы я здесь ночью оказаться, — заметила Хелен. — А вы?

— У меня такое чувство, будто за нами следят, — произнес Роланд.

— Неудивительно, — ответил Дэвид. — Здесь столько окон.

— Я это почувствовал, еще когда мы стояли у карты на Пиккадилли, — продолжал Роланд. — И потом... когда шли по улице Олдхэм.

— Кончай, Роланд, — сказал Николас. — Всегда ты что-нибудь придумаешь.

— Смотрите, — Дэвид указал вперед. — Вон там дома уже начали сносить. Вот бы увидеть, как это делают. Знаете, рабочие разбивают дома большим железным ядром. Оно у них на таком кране подвешено.

Улица, на которой они стояли, сильно пострадала: здесь остались одни фасады, в окна просвечивало небо, с лестничных пролетов, ведущих на чердаки, свешивались обрывки обоев.

В конце улицы дети остановились. Дальше шли мостовые и тротуары с уличными фонарями, но домов там уже не было, одни развалины.

— Но где же твой Четверговый переулок? — спросил Николас.

— Вот, — сказал Дэвид и указал на уцелевшую дощечку, лежащую на куче кирпича. На дощечке было написано: «Четверговый переулок».

— Ну и ну! Ты нас прямо на него вывел, Роланд, — признал Николас. — Тут все разрушили подчистую. Поневоле задумаешься, правда?

— Вон рабочие! — сказала Хелен.

Посреди развалин возвышалась одинокая церковь. Это было простое викторианское³ здание с контрфорсами⁴ и стрельчатыми окнами, с высокой крышей, но без колокольни. Возле церкви стояли экскаватор и грузовик.

— Я никого не вижу, — заметил Роланд.

— Рабочие, должно быть, внутри. Пойдем, спросим, можно ли нам посмотреть.

Дети двинулись вдоль дороги, где раньше пролегал Четверговый переулок. Они подошли к церкви. Вокруг царил мертвая тишина, все было недвижно.

Даже Николас не смог скрыть своего разочарования.

— Мы бы их услышали, Ник, если б они там работали. Они ушли домой.

Дэвид повернул железную ручку на двери. Гулкое эхо отозвалось внутри, когда он загремел тяжелым засовом, но дверь оказалась заперта.

— Они бы машины так здесь не оставили, — сказал Николас — Может, у них перерыв?

³ Викторианский век — в Великобритании время правления королевы Виктории (1837–1901).

⁴ Контрфорс — в архитектуре устой, расположенный с внешней стороны стены здания и принимающий на себя боковой распор.

— Мотор у грузовика еще теплый, — крикнул Роланд. — А в кабине куртка.

— И задний борт опущен. Они еще не все доски сгрузили.

— А что это за доски?

— От скамеек в церкви и от полов.

— Тогда подождем, — предложил Николас. — А еще что там есть?

— Ничего... Нет, что-то есть: за переднее колесо мяч закатился.

— Давай его сюда, поиграем.

Роланд вытащил из-под грузовика белый футбольный мяч из пластика. И вдруг замер.

— Что такое?

— Слушайте, — сказал Роланд. — Откуда эта музыка?

— Какая музыка? Тебе померещилось.

— Нет. Слушай, Ник. Он прав.

Это была скрипка. Негромкая, грустная мелодия на высоких нотах. На углу улицы под разбитым фонарем стоял старик в мятой шляпе.

— Зачем он здесь играет?

— Может, он слепой? — предположила Хелен. — Надо сказать ему, что он не там стоит. Он, верно, думает, что здесь кругом дома.

— Слепые такое по отзвукам чувствуют, — возразил Дэвид. — Не трогай его, он, может, репетирует. Давай, Роланд! Мы ждем.

Роланд подбросил мяч и с лета ударил по нему ногой.

Он стоял шагах в тридцати от остальных и бил с тем расчетом, чтобы отпасовать мяч сразу к ним.

Однако мяч вдруг взлетел вверх, да так стремительно, что дети и глазом моргнуть не успели. Мяч набрал скорость, поднялся выше, выше — и вдруг с силой ударился в среднее стекло западного витража.

Дэвид присвистнул.

— Вот это да! Роланд, ну-ка дай еще разок!

— Тише, — сказала Хелен.

— Чего ты испугалась? Церковь все равно сносят, разве не так?

— Я и ударил-то не сильно, — произнес Роланд.

— Ну уж, конечно!

— Не волнуйся, — сказала Хелен, — я сейчас пойду гляну: вдруг туда можно залезть.

— Пойдем все вместе, — предложил Дэвид.

— Нет, — возразила Хелен. — Вы стойте здесь — а то вдруг рабочие вернутся. — Она завернула за угол церкви.

— Без этого ты у нас не можешь, — проговорил Николас. — Обязательно тебе надо окно разбить.

— Я не хотел, Ник, честное слово, не хотел. Я просто ударил по мячу, а он вроде как сам взлетел.

— Сам взлетел! — повторил Ник. — Да хватит тебе притворяться!

— Но так оно и было, — настаивал Роланд. — Когда я ударил по мячу, скрипка... скрипка все тянула одну ноту. Разве вы не слышали? Она мне прямо в голову вонзалась. Все глубже... глубже... пока мяч не разбил стекло. Ты что, не слышал музыку?

— Нет. И теперь не слышу. И твоего скрипача что-то не видно. Он куда-то исчез.

— Да, странно все это, — произнес Дэвид. — Мяч из пластика, а пробил свинцовый переплет в окне.

— Просто старина Роланд ударил его как надо, — сказал Николас. — Слушайте, а старик опять запиликал.

Мелодия была все та же, но сейчас она увлекала сердца: это был необузданный танец... он звучал все быстрее, все выше... пока звуки не слились в один, улетевший за предел слышимого. Какое-то время эхо его еще дрожало в воздухе. А потом — смолкло.

— Что это Хелен там застряла? — спросил Николас. — Неужели еще не нашла мяч?

— Небось не может вылезти, — сказал Дэвид. — Пойду взгляну.

— Скажи ей, пусть поторопится, — крикнул вдогонку Николас.

— Ладно.

Николас с Роландом остались ждать.

— Я и не знал, что существуют такие кварталы. А ты, Ник?

— Должно быть, вот это и называют «очистка трущоб», — сказал Николас. — Знаешь, в войну много домов разбомбили, а те, что остались, теперь сносят, чтобы построить новые. Вот, видно, потому здесь никто и не живет. Эти дома на слом.

— А где же люди живут, пока новые дома строят? — спросил Роланд.

— Не знаю. Только ты заметил? Там дальше по улице еще живут. Может, те люди переедут в новые дома, которые здесь строят. И тогда тот квартал можно будет сносить.

— А вот и скрипка снова заиграла, — произнес Роланд.

Скрипка звучала опять где-то вдалеке, но с той же необузданной страстью.

— А старика я что-то не вижу. Где он?

— Что это с тобой сегодня, Роланд? Перестань дергаться — он где-то здесь.

— Да, но где? Секунду назад он стоял под фонарем, а оттуда до тех домов целая миля, не меньше. Ни услышать, ни увидеть его мы не могли бы.

— А я бы хотел знать, куда задевались Хелен и Дэвид, — сказал Николас. — Если они не поторопятся, мы не успеем найти мяч — рабочие вернуться.

— Слушай, а с ними ничего не случилось?..

— Да нет. Они нас просто разыгрывают.

— Может, они где-то застряли или дверь захлопнули, — предположил Роланд.

— Они бы нам крикнули, — ответил Николас. — Нет, тут какой-то розыгрыш. Покарауль-ка здесь — а то они еще попробуют сюда прокрасться... Я им сейчас покажу!

Роланд уселся на сломанный табурет, стоявший на земле. Его пробирал озноб.

И вдруг снова зазвучала музыка.

Роланд вскочил, но скрипача нигде не было видно; понять, откуда раздается музыка, было невозможно.

— Ник!

Музыка стихла.

— Ник! Ник!

В свете дня, клонившегося к закату, пустырь казался огромным, темнеющий воздух замер, дома стояли будто нарисованные. Они выглядели нереальными, словно берег, когда на него смотришь

с моря. Где-то вдали брела женщина, толкая перед собой коляску.

— Ник!

Роланд обошел церковь, осторожно ступая по битому кирпичу. Он увидел распахнутую настежь дверь, повисшую на петлях; поперек дверного проема были прибиты две сорванные половицы. Роланд протиснулся внутрь: от двери шел коридор, по бокам от него виднелись какие-то комнаты. Вода сочилась из трещины в стене. Пахло сажей и кошками.

В комнатах не было ничего, кроме обычных вещей, которые бросают при отъезде. Несколько заплесневелых классных журналов воскресной школы; Библия с медными застежками; выцветшая коричневая фотография церковного шествия на Троицу 1909 года; традиционный экземпляр «Стихов о Трезвости» Керстона — «Подарок Джону Бедоузу от группы „Надежда“, февраль 1888 г.». Разбитое блюдце, банка из-под джема, позеленевшая от давно высохшей воды.

— Ник!

Роланд вышел из коридора под церковные своды.

Пол в церкви был разобран, балки и все, что возможно снять, подняты и увезены — под ногами осталась обнаженная земля, вокруг — битый кирпич. Церковь была голая, как пещера. Над головой у Роланда три стрельчатых окна, глядевшие на запад, пламенели, словно свечи, огнем заката. Самое высокое, центральное, окно было разбито, на полу лежали осколки стекла. Но мяча нигде не было.

— Ник! Хелен! Дэвид! Где вы?

Сумерки, словно пыль, повисли в церкви.

Роланд вернулся в коридор. В конце его виднелась лестница. Перила с нее были сорваны, однако ступеньки уцелели.

— Дэвид! Ник! Спускайтесь! Ну, не прячьтесь, пожалуйста! Что за шутки!

Никто не отозвался. Шаги Роланда гремели по ступеням. Наверху на площадку выходили двери двух комнат; обе были пусты.

— Ник!

Эхо гулко разнеслось по церкви.

— Ник!

Крик Роланда прозвучал в церкви, а за ним вдруг возник какой-то гул, словно ветер в трубе: что-то поднялось, напряглось, стена задрожала, а пол под ногами заходил ходуном. Церковь наполнилась гулом, бьющимся о стены. Роланд услышал, как отворилась тяжелая дверь, закрылась, и шум стих. В церкви стало совсем тихо; лишь внизу в коридоре послышались чьи-то шаги.

— Кто это? — спросил Роланд.

Шаги приблизились к лестнице и стали подыматься.

— Кто там? — повторил Роланд.

— Не бойся, — произнес голос.

— Кто вы? Что вам нужно?

Шаги достигли верхней ступени. На площадку упала тень.

— Нет! — вскрикнул Роланд. — Не подходите!

В дверях стоял скрипач.

— Я ничего тебе не сделаю. Возьмись за конец моего смычка и поведи меня. Лестница небезопасна.

Худой и согбенный, он с трудом держался на ногах; голос у скрипача был старей; казалось, силы все оставили его. Стоя меж Роландом и лестницей, он протянул смычок.

— Помоги мне.

— Хо... хорошо.

Роланд протянул руку к смычку, но не успел он коснуться его, как что-то ударило ему в кончики пальцев, и перед глазами вспыхнул свет. Словно какая-то ставня распахнулась в голове и тут же снова захлопнулась. Он успел что-то увидеть, но видение так быстро исчезло, что Роланд почувствовал лишь пустоту от его утраты.

— Что ты увидел?

— Увидел? Я не... видел. Я... сквозь пальцы... Увидел? Башни... словно пламя... Свеча во тьме... Черный ветер.

— Веди меня.

— Хорошо.

Роланд спускался по лестнице, замирая на каждой ступеньке; он был ошеломлен, но страх исчез. Церковь теперь казалась ему далекой и плоской, словно театральная декорация. Единственной реальностью был скрипач со своим смычком.

— Я слышал вашу музыку, — сказал Роланд. — Почему вы играли вдали от людей?

— Я играл рядом с тобой. Разве ты не человек?

Они спустились с лестницы и теперь стояли на земляном полу церкви.

— Дай мне смычок.

— Я не могу остаться, — сказал Роланд. Но старик поднял скрипку к плечу.

— Я ищу сестру и братьев...

Старик заиграл.

— Я должен их найти, пока не стемнело...

Это был тот самый яростный танец.

— Нам надо успеть на поезд. Что это за шум?..
Пожалуйста... Перестаньте!.. Мне больно... Пожа-
луйста, не надо!

Воздух задрожал от звука скрипки. Это был тот самый звук, который Роланд слышал наверху, только теперь он стал пронзительнее и громче, заполнил все здание церкви и, словно стрела, пронзил Роланда насквозь.

— Пожалуйста, прошу вас...

— Час настал. Отвори эту дверь!

— Но я не могу! Она заперта!

— Отвори ее! Время уходит!

— Но...

— Ну же! Время не ждет!

Нетвердыми шагами Роланд подошел к двери, взялся за железную скобку и изо всех сил потянул ее. Дверь распахнулась — и мальчик, пригнув голову, выбежал на улицу. За спиной у него нарастал гул.

Впрочем, далеко отбежать Роланд не успел: бумажники у него под ногами задвигались. Он обернулся. Церковь задрожала в воздухе — и исчезла. Он стоял среди огромных валунов на берегу моря, а музыка смолкла в грохоте волн и непрерывном шуме прибоя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗОЛОТОЙ ПОКРОВ

Над головой Роланда высился утес, на вершине которого виднелись развалины замка. От шума, сотрясшего церковь, в голове у Роланда все смешалось, но жгучее прикосновение ледяных брызг привело его в чувство.

Роланд зашагал вдоль берега. Утес одиноко торчал в море — от берега его отделял покрытый пеной пролив. Высоко в воздухе повис в пустоте подъемный мост; другого пути на сушу не было. Придется, не медля ни минуты, лезть вверх — пока Роланд искал дорогу, скалы накрыла волна. Прилив поднимался.

С одной стороны скала шла отлого, хотя карабкаться вверх было и нелегко: Роланда пугала высота. Шум волн затих, ветер улегся. Утес словно отталкивал от себя, каждый шаг давался с таким трудом, что Роланд едва сохранял равновесие; кисти рук ломило — так судорожно цеплялся он за каждый выступ. Роланд знал, что вниз смотреть нельзя, но когда он поднял глаза вверх, громада замка начала медленно валиться на него. Мальчик заставил себя смотреть только на то, что под руками.

Основание замка было сложено из гладких, плотно пригнанных камней, переходящих в вертикальную стену, но между основанием и скалой шел выступ, по которому и двигался Роланд, пока наконец не достиг подъемного моста.

Цепи у моста были оборваны, но мальчику удалось ухватиться за одну из них и подтянуться к крепостным воротам. Мост не был поврежден, но ворота завалились. Через ворота Роланд проник во двор замка.

По углам разбитых стен замка возвышались четыре сторожевые башни, а посреди двора стояла массивная башня-донжон⁵. Лишь несколько окон прорезали ее высокие стены.

— Эй, в башне! — крикнул Роланд.

Никто не отозвался. Роланд переступил порог и оказался в огромном, холодном и сумрачном холле. Потолок прорезали толстые балки. Пол был усыпан увядшими розами, в воздухе стоял тяжелый запах тления.

За аркой в углу виднелась винтовая лестница. Слабый снег падал на нее сквозь узкие бойницы в стене, так что Роланду пришлось продвигаться вперед на ощупь.

Из холла он ступил в первую залу: это была оружейная. Она шла во всю длину башни, а на укрепленных по стенам крючьях висели пики, мечи и щиты.

Роланд снял со стены меч. Он был хорошо наточен и смазан.

⁵ Донжон (*франц.* donjon) — отдельно стоящая главная башня феодального замка, четырехугольная или круглая в плане, последнее убежище защитников замка.

Вот это и поражало в замке: тут царило разрушение, но раны были свежими. Поваленные на землю, камни еще не успели обветшать, а в окнах виднелись осколки стекол.

Роланд повесил меч на стену, он был слишком тяжел.

Мальчик стал подниматься по лестнице и вскоре увидел еще одну дверь. Отворив ее, заглянул в пустой зал. По стенам, словно высохшие листья, свисали клочьями шпалеры. Зал освещали три высоких стрельчатых окна. Стекло в центральном из них было разбито, осколки рассыпались по полу... А в очаге против окна лежал белый мяч.

Роланд взял мяч обеими руками — точно так же он вытащил его из-под грузовика. Швы на боках, следы масла и кирпичной пыли — это был тот самый мяч.

Он посмотрел на мяч — и в тот же миг услышал пение. Пел мужской голос. Молодой голос. Слов было не разобрать, но мелодия взволновала Роланда, отозвавшись и радостью, и болью.

«Откуда доносится этот голос? — подумал Роланд. — Из верхнего зала?»

Ах, если бы он мог разобрать слова... Кто бы то ни был... Он должен услышать слова. Но стоило ему пошевелиться, как голос смолк.

— Нет, — прошептал Роланд.

Мяч выпал у него из рук и начал медленно падать со ступеньки на ступеньку — раз... два... вниз... прочь — пока и этот звук не затих.

«Он, верно, наверху...»

Роланд стал подниматься. Дошел до верхнего зала. Дальше ничего не было, впереди светлел пролет лестницы, ведущей на крышу.

В зале никого не было. Под окном стоял низкий стол из белого мрамора; с одного конца, словно кто-то пытался его сдернуть, свисал золотой покров.

Роланд приблизился к столу. Стол был совсем простой — только глубоко в мраморе было выбито изображение меча.

Роланд поднял золотой покров и разостлал его на столе. Покров лег глубокими тяжелыми складками, под которыми тотчас проступили очертания меча. Роланд отступил назад и всем телом ощутил, как замок задрожал. Из окна до него донесся поющий голос, далекий, но такой прозрачный, что Роланд разобрал обрывки слов.

Верно, прекрасен тот край... Под покровом цветов...

— О, подожди меня! — вскричал Роланд. — Не уходи!

Волшебный край чудесных песен...

Роланд взбежал по ступеням и выскочил на крышу, вдоль которой шел парапет с бойницами.

Зеленый остров под сенью звезд...

Море и небо залил жемчужный свет, волны, словно серебряные стрелы, рассекали воду. От подъемного моста в горы поднималась дорога, она терялась в покрывавшем склоны лесу. По дороге, удаляясь от замка, шел скрипач.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МЕРТВЫЙ КРАЙ

Когда Роланд выбежал из надвратной башни, скрипач уже ступил в лес. Роланд поспешил за ним.

Дорога сперва шла мимо обгорелых остовов зданий и заросших бурьяном полей. То ли пыль, то ли пепел вздымались из-под ног Роланда, приглушая шаги, покрывая кожу сухим едким слоем. Вокруг жужжали мухи, лезли в волосы, норовили сесть на губы. С неба лился тусклый свет, от которого было больно глазам. Роланд шел, подгоняемый уже не удивлением, но страхом остаться одному.

Уже и пение его не завораживало. Теперь, когда Роланд снова увидел старика, он понял, где слышал поразившую его мелодию: ее играл скрипач. То, что показалось ему музыкой, возникшей из сновиденья, было всего лишь отзвуком полужнакомой песенки.

Как ни стремился Роланд догнать старика, в лес входить ему совсем не хотелось. Ничего зловещего он в нем поначалу не видел. Конечно, в лесу царили мрак и безмолвие, но, лишь приблизившись вплотную, Роланд понял, чем этот лес отличался от всех других. Деревья в нем были мертвые.